

Анатолий Клименок

**ЖИДКИЙ СТУЛ, ИЛИ
КАК Я РАЗРУШАЛ
СОВЕТСКИЙ СОЮЗ**

Весёлая хроника печальных
событий

Анатолий Клименок

**Жидкий стул, или Как я
разрушал Советский Союз**

«Издательские решения»

Клименок А.

Жидкий стул, или Как я разрушал Советский Союз /
А. Клименок — «Издательские решения»,

«Жидкий стул, или Как я разрушал Советский Союз» — откровенный рассказ о бурных событиях конца 80-х и начала 90-х годов прошлого века, свидетелем и участником которых был его автор.

Жидкий стул, или Как я разрушал Советский Союз

Весёлая хроника печальных событий

Анатолий Клименок

© Анатолий Клименок, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Мир катится в угол, – мрачно сказал мой редакционный товарищ Сашка Архангельский и залпом опрокинул в себя стакан водки.

Я молча с ним согласился и тоже выпил. Так мы отметили вступление в общество трезвенников. Не помню точно, как оно называлось, может быть, добровольным всесоюзным обществом «За трезвый образ жизни» или ещё как-нибудь. Не важно. Важно другое. Мы с Сашкой стали его полноправными членами и немедленно отпраздновали это событие.

Потом мы взялись за работу. Сашка строчил интервью главного инженера веревочно-шпагатной фабрики. Он усердно спешил, опасаясь, что алкоголь пробудит неконтролируемую фантазию. Передо мной стояла еще более трудная задача: также быстро, до наступления разрушительных последствий нашего вступления в общество трезвенников, написать фельетон о мебельном комбинате. Фельетон – жанр коварный. Во-первых, хороший фельетон написать трудно. Во-вторых, какой бы ты фельетон не написал – хороший или плохой – обязательно наживешь себе врагов. В-третьих, ... Впрочем, я не стал больше рассуждать, а просто решил держаться от греха подальше и сменить жанр – сочинить очерк о героических трудовых буднях коллектива того самого мебельного комбината. В этом жанре можно было смело давать волю фантазии: людям нравится, когда их хвалят.

Сашка уже давно закончил свой бред («бредом» он называл любой газетный материал), успел два раза сбежать в винный магазин, обыграть меня в шахматы, а я все не мог дойти до последнего абзаца.

– Послушай, старый, – бодро, но не очень внятно сказал Сашка, – пора кончать с этим бредом, делай верняк и ставь точку.

«Верняком» он называл затасканный, но правильный с идеологической точки зрения текст. Очерк о самоотверженном труде мебельщиков я закончил так: «Встав на ударную трудовую вахту в честь очередной годовщины Великого Октября и выполняя решения апрельского, а также всех предыдущих пленумов ЦК КПСС, коллектив мебельного комбината взял на себя новые повышенные социалистические обязательства и решительно борется за их досрочное выполнение».

В тот памятный день наша газета оказалась без руководства – редактор находился в областном центре на какой-то партийно-хозяйственной конференции, заместитель редактора, как обычно в таких ситуациях, неожиданно заболел (другими словами – запил еще до вступления во всенародное общество трезвости). Мы с Сашкой, оставшись «на хозяйстве», повели себя, как стойкие бойцы идеологического фронта, как незаметные, но незаменимые детали гигантской пропагандистской машины. Мы не могли допустить, чтобы наша газета – маленькая частица этой машины – вдруг перестала функционировать. Все материалы очередного номера были своевременно отправлены в набор. На следующий день газета версталась, ночью печаталась, а утром...

А утром мы проснулись знаменитыми. О нас говорил весь город. Во всяком случае, нам так казалось, потому что телефоны в редакции стали возмущенно грохотать еще до начала рабочего дня и не смолкали до ночи.

Город обсуждал Сашкину веревочно-шпагатную беседу и мой мебельный очерк. В сущности, Сашка написал, как тогда выражались, идеологически выверенное и политически грамотное интервью, но на самом последнем вопросе, а точнее на ответе на этот проклятый последний вопрос, он слегка погорячился. Видимо, водка, выпитая в честь вступления в трезвое общество, успела пробудить в Сашке фантазию раньше, чем он закончил свой бред. А закончил он его словами, которые до сих пор цитируют на веревочно-шпагатной фабрике. На вопрос корреспондента, то есть Сашки, о том, куда идет продукция предприятия, главный инженер ответил:

– Нашими веревками, почитай, вся Россия опутана от Калининграда до Камчатки.

Больше всего возмущался главный инженер. Он постоянно звонил в редакцию, требовал к телефону Сашку и задавал ему один и тот же вопрос:

– Знаешь куда тебе эти верёвки надо засунуть?

На мой очерк никто бы не обратил внимания, если бы не заголовок. Я придумал его для жгучего фельетона о мебельщиках, чья продукция разваливалась сразу после сборки. У меня уже вертелся в голове сатирический сюжет – соревнование за наихудшее качество мебели под хлестким девизом. Этот девиз я вынес в заголовок, но вместо фельетона, разящего наповал бракоделов, написал очерк об их вдохновенном труде. Материал получился большой, почти на целую полосу, в центре которой крупными черными буквами был напечатан заголовок:

ЧЕЙ СТУЛ ЖИЖЕ?

День тянулся бесконечно долго. Телефоны разрывались. Мы метались от аппарата к аппарату, как птицы в клетке, и с тревогой ждали появление редактора. С утра его вызвали в горком партии прямо из дома. Заместитель редактора появился на работе со значительным опозданием. Он был слегка помятый, не совсем трезв, но полон решимости. Ему тоже звонили утром из горкома, однако дома не застали. (Как правило, во время своих неожиданных заболеваний заместитель бесследно исчезал). Когда он понял, что произошло, решимость в его облике потускнела. Он болезненно скрючился, что-то невнятно проговорил о подорванном на работе здоровье и вновь исчез.

Мы с Сашкой одиноко несли бремя неожиданно свалившейся на нас славы.

Уже вечерело. Телефоны стали звонить не так часто и не так настойчиво, а разговоры по ним становились более вдумчивыми. После одного из таких разговоров Сашка философски заметил:

– Жизнь прошла мимо. Столько сил мы посвятили этому бреду! И к чему мы пришли? Оказывается, кроме моих, опутавших всю Россию веревок, и твоего жидкого стула у нас ничего за душой нет.

Наконец появился редактор. Нам даже показалось, что он не появился, а как бы только наметился. Его бестелесная, но тяжелая тень молча прошла мимо нас и скрылась в редакторском кабинете. Если бы не оглушительный грохот захлопнувшейся за редактором двери, мы бы так и не поверили в его реальное появление. Потом вновь раздался грохот и дверь в кабинет открылась, словно пасть голодного зверя. Мы вошли в неё, как загипнотизированные кролики.

Редактор сидел за столом, закрыв лицо прокуренными ладонями. Его безутешная поза вызывала искреннее сочувствие и тревогу. Он молчал. Мы – тоже. На столе появились две бутылки водки. (До сих пор не могу понять, откуда они взялись). Мы выпили по первой, как на поминках, – не чокаясь и не глядя друг на друга. После второго захода редактор долго смотрел на нас, но ничего не сказал. А после третьей он сильно закашлялся и, наконец, произнёс:

– Мне этот жидкий стул теперь всю жизнь поперек горла стоять будет.

Тут меня и Сашку, будто черт за язык потянул. Я стал взволнованно говорить о том, что вся наша жизнь – сплошное враньё и дерьмо собачье, хуже любого жидкого стула. Сашка вдруг заорал, что он специально про веревки написал, чтобы народ ясно увидел окружающий нас, от Калининграда до Камчатки, бред. Сейчас мне уже трудно восстановить в памяти другие

подробности наших не отредактированных цензурой монологов. Мы высказали все, что камнем лежало на душе. Когда мы замолчали, а водка закончилась, редактор помрачнел до неузнаваемости и почти членораздельно с суровым отчаянием заявил, что мы уволены. Сашка сразу обиделся и ушел, хлопнув дверью. Я тоже стал собираться, но Сашка неожиданно вернулся, неся перед собой бутылку водки, как зажженную лампаду...

Далее воспоминания обрываются. Но у меня сохранились два любопытных документа, которые появились на свет в тот вечер в редакторском кабинете – Сашкино «Заявление» и моя «Явка с повинной».

Документ №1

ЗАЯВЛЕНИЕ

«Любую вынесу беду,
Похмельем город обогрею.
Шеф, допусти меня к труду
И я в труде сломаю шею».

Документ №2

ЯВКА С ПОВИННОЙ

«Не помню точно, когда я впервые почувствовал либеральный зуд. Порой мне кажется, если бы много лет назад кто-либо бдительно прислушался к моим младенческим воплям, то без труда смог бы расшифровать таившийся в них требовательный призыв: «Да здравствует свободная мысль!».

Во всём виноват мой дед – безлошадный брянский крестьянин, который так и не смог нажать для своего будущего внука хотя бы маленького наследства, но одарил его, (то есть меня), неистребимой наследственностью. Поясню, что я имею ввиду. В смутное время февральской революции 1917 года мой одуревший от голодной деревенской жизни дед отправился на заработки в Америку. Заняться отхожим промыслом в тогдашней России мужикам было негде. Проклятые же американские империалисты искали по всему миру дешёвую рабочую силу. И вот, по американскому призыву мой дед (тогда ещё крепкий мужик) уехал за океан искать счастье. Был он там недолго и вернулся назад таким же безлошадным, как и уехал. Однако даже короткого пребывания на чуждой нам территории хватило для того, чтобы заразиться вирусом либерализма. Никаких внешних признаков этой заразы у моего деда не наблюдалось, если не принимать в расчёт привезённого им из Америки заношенного до блеска цилиндра. Изменения произошли в нём на глубинном генетическом уровне. Какой-то малюсенький дедовский хромосом, изломанный американской действительностью, перешел к моему отцу, а потом благополучно перекочевал ко мне. Так я, сам того не подозревая, сразу после зачатия, ещё на молекулярном уровне являлся, в сущности, агентом влияния.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.